

АКСЕНОВА Ольга Владимировна –

к.соц.н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5

illiao@yandex.ru

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ИЗУЧЕНИИ ЛОКАЛЬНОСТИ CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION OF LOCALITY IN THE WESTERN SOCIOLOGY

В статье рассматриваются изменения в теоретических подходах к исследованию местных сообществ в условиях глобализации. Концептуализация локального и глобального анализируется в их взаимосвязи и взаимозависимости. Временные рамки исследования ограничены, с одной стороны, общепризнанным стартом современной глобализации в конце 1980-х гг., с другой – нашими днями, поскольку трансформации продолжаются. Объектом анализа является общий дискурс, в котором переплелись научная рефлексия и экспертная оценка «локального» политическими, экономическими и гражданскими акторами, т.к. любой анализ жизнедеятельности локальности нуждается в общем представлении о ее месте в глобальном мире. Показана радикальная трансформация социологических представлений о роли местного сообщества в процессе глобализации, начиная от локальности как основы глобального мира и заканчивая полным отрицанием ее значения, а затем возвращением – как локализации социального неравенства, бедности и конфликтов. Введено понятие «локального бедного». Современные социальные конфликты в местных сообществах рассматриваются как проявление сопротивления. Выявлена корреляция изменений в дискурсе с неolibеральными преобразованиями, сопровождающими глобализацию экономики. В статье также продемонстрировано противостояние сторонников концепции глобальных потоков, игнорирующих локальность (М. Кастелс, Дж. Урри и др.), и ученых-эмпириков, предлагающих рассматривать глобализацию с «места», что трактуется как отражение сопротивления местных сообществ их унификации или маргинализации.

Ключевые слова: местное сообщество, локальность, местная культура, глобализация, стандартизация, глобальные потоки, глобальные сети, дискурс, концепция, неolibерализм, бедность, социальные конфликты, социальные неравенства.

The theoretical approaches to the local community research in conditions of globalization are considered in the paper. The theories of the local and the global are analyzed as interdependent and interrelated phenomena. Time frames of analysis are determined from the end of 1980s till our days. The starting point is related to the beginning of the modern globalization, which is still not finished. Analysis is focused upon the general discourse of global and local that forms a kind of contradictory unity. Besides, the scientific reflection and expert assessment implemented in the frameworks of various projects are interrelated in this discourse. The radical transformation of sociological views on the role of local community in the globalizing world is shown. It is started from the concept of locality as basic element of global world, moves towards the denial of its significance and then returns in the form of localization of poverty, social inequality and conflicts. The notion of «local poor» is introduced. The correlation between changes in the discourse and neoliberal politics and with technological expansion that follows globalization is revealed. The contradiction between the theorists of the global flows, such as M. Castels, J. Urry and other sociologists engaged in empirical research of localities that propose the «place» view on globalization is shown. This view is interpreted as the reflection of community resistance to its marginalization and unification.

Keywords: local community, locality, local culture, globalization, standardization, global flows, global networks, discourse, theory, neoliberalism, poverty, social conflicts, social inequalities

Местные сообщества были одним из основных объектов социологии с самого начала ее становления как науки. Менялся лишь фокус исследований, перемещаясь от ценностей протестантских общин Вебера к среде городских локальностей чикаг-

ской школы и далее к местной политике, мобилизации ресурсов, прямой демократии и т.п. Научная рефлексия в сфере исследования местных сообществ тесно связана с рефлексией, которую можно условно назвать экспертной, направленной на разрешение той или

иной проблемы, на формирование политической или управленческой стратегии развития сообществ. В результате сложился общий дискурс, в котором тесно сплелись глобальное и локальное.

Изучение этих изменений, с нашей точки зрения, одинаково актуально для понимания общемировых процессов и для изучения российских локальностей. Процесс рефлексии важен не только потому, что создает подходы к изучению реальности, он обнаруживает закономерности среди множества переплетающихся и в то же время разнородных, накладывающихся друг на друга процессов и событий. Разумеется, научная теория не отражает мир местных сообществ во всем его многообразии, но мейнстрим рефлексии позволяет увидеть магистральные тенденции развития этого мира, что для современных эмпирических исследований сложно по причине их высокой специализации. В данной статье представлены некоторые результаты исследования достаточно узкого спектра указанного дискурса, непосредственно связанного с концептуализацией локальности в условиях глобализации¹.

Начало:

от локального к глобальному

Период оптимистического взгляда на развитие местных сообществ охватывает приблизительно конец 80-х – середину 90-х гг. прошлого столетия. Анализируется местное гражданское общество, его акторы, структура, способы мобилизации ресурсов и т.п. Локальность при этом рассматривается в контексте развития социальных движений на национальном и глобальном уровнях [Jenkins 1983; McCarthy, Wolfson 1996]. Изучается местная культура, идентичности и социальные связи [Realizing Community... 2002: 173]. Популярным становится термин *grassroots*, который переводится как «низовой». В 1983 г. М. Кастельс опубликовал книгу «Город и грасрутс: кросс-культурная теория городских социальных движе-

ний», в которой исследуется активность горожан, меняющая ценности и правила города, а затем – общества [Castells 1983]. Американский анархист и социолог М. Букчин создает концепцию муниципального либертарианства. Для нее характерен подход к местному сообществу как ключевому элементу социума. Именно муниципалитеты, управляемые гражданами, могут объединиться в аналог конфедеративного государства и далее – в более широкие союзы [Bookchin 1989].

Низовая (*grassroots*) демократия, в отличие от демократии представительной, является прямой, а потому наиболее точно и эффективно представляет интересы сообщества. Местные сообщества, объединяясь в движения, формируют сети и в перспективе создадут новый, устойчивый и гуманистический глобальный мир. Глобальный мир представлялся слиянием множества локальностей, каждая из которых вносит в него свои традиции и культуру [Hannerz 1990]. Кроме того, их разнообразие должно было помочь сообществам найти экономическую альтернативу предпрятиям, закрытым в результате неолиберальных реформ и оттока капиталов на Восток. Разрабатывалось множество программ локального развития, пропагандировался успешный опыт отдельных городов, которым удалось добиться экономической и экологической устойчивости, эффективного партнерства гражданского общества с властью и т.п.

Итогом этой бурной деятельности стала принятая в 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро программа «Повестка дня на XXI век» (разд. «Местная повестка дня – 21»). Предполагалось, что глобальные изменения будут достигнуты в результате конкретных действий на локальном уровне. Все местные сообщества должны были разработать к 1996 г. собственные программы на основании ориентиров, обозначенных в документе [Халий 2011].

От глобального к локальному: глокализация

Популярность идеи адаптации локальности к глобальным изменениям пришла на вторую половину 1990-х гг. и начало нового столетия. В середине

¹ Выводы, представленные в статье, основаны на анализе научных (социологических, политологических, экономических) теоретических и прикладных работ, экспертных заключений и документов государственных, экономических, политических и гражданских структур различного уровня, опубликованных с конца 1980-х гг.

1990-х гг. ряд социологов и активистов общественных движений обнаружили, что события развиваются не так, как ожидалось. Оказалось, что движущие силы глобализации вообще не связаны с локальностью. Местные сообщества помимо своей воли втягиваются в новый мировой порядок глобальных сетей и потоков капитала, информации, сырья, товаров, рабочей силы и т.п.

В этот период в социологии довольно широко используется понятие глокализации. Сам термин появился в 1980-х гг. в Японии и обозначал на сленге бизнеса маркетинговую адаптацию товаров и услуг к особенностям различных групп потребителей, включая специфику отдельных локальностей. В социологии идея глокализации была связана с включением разнообразия местных экономик и культур в глобальные сети, сохранением и воспроизводством культурного плюрализма [Robertson 1995: 28]. Лозунг глокализации: «глобальное локально, локальное глобально» в реальности имеет несколько иное значение, а именно: глобальное унифицирует жизнедеятельность тех сообществ, которые стали узлами в сети или связаны с обслуживанием потока, игнорируя тех, кто вне. Эти процессы были зафиксированы социологами в середине 1990-х гг.

В начале нового столетия ряд социологов, занимающихся по большей части исследованиями локальностей в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря, начали говорить о том, что глобализация, равно как и социологическая теория, полностью игнорирует местные условия [Gille 2006; Tsing 2000]. Социологическая теория рассматривает глобализацию с высоты птичьего полета, и этот «наблюдательный пункт» следует переместить на уровень сообщества. Отсюда концепция взгляда с «места» и «проект обустройства места» (*place-making project*), в котором именно локальность играет роль субъекта, встраивающего местное сообщество в глобальную сеть, сохраняя при этом традицию, культуру, социальную специфику [Gille, O'Rian 2001]. Этот подход в значительной степени должен быть антропологическим, поскольку сообщество рассматривается как субъект традиционной культуры, которую тре-

буется сохранить и включить в культуру глобальную. Действительно, усилилось внимание социологов и управленцев к местной жизни в странах третьего мира, множество традиционных сообществ оказались в зоне интересов ресурсодобывающих корпораций. По этой причине именно в этот период институционализируется этнологическая экспертиза инвестиционных проектов, осуществляющихся на аборигенных территориях, ориентированная именно на сохранение местных обычаев и культуры.

Глобальное вместо локального

Радикальное изменение интерпретации в подходе к исследованию местного сообщества произошло не слишком давно – примерно в конце нулевых годов нового века, хотя складывалось в течение относительно долгого времени. Дискуссии о локальном и глобальном продолжаются, но занимают периферийное место в дискурсе, мейнстрим которого формируют теоретики глобализации М. Кастелс, Э. Гидденс, Дж. Урри, С. Сассен и др. [Гидденс 2004; Castels 1996; Urry 2003; Sassen 2001].

В конструируемой ими картине мира территория окончательно теряет значение, превращаясь в абстрактное «место», пункт прибытия. Нынешняя локальность есть, согласно концепциям глобализации, соединение территориального и глобального в том случае, если она представляет собой узел на пересечении глобальных потоков. В концепции С. Сассен – это город, редуцированный до высокотехнологического, информационного и командного центра [Sassen 2001]. Современный человек – космополит, не привязанный к месту; он может быть глобальным бедным или глобальным богатым, согласно определению У. Бека [Beck 2006], в любом случае от него более ничего в этом мире не зависит.

Возвращение локальности

Глобальный бедный на самом деле остается локальным: он живет в сообществах, оказавшихся за пределами потоков, и которые по этой причине просто игнорируются. Бедные мигранты, перемещающиеся из пункта отправления в пункт прибытия, оседают в нем надолго,

формируя территориальные диаспоры. Вопреки ожиданиям, государственные границы до сих пор не исчезли, а местные сообщества окончательно не превратились в абстрактные транзитные и командные пункты. Национальные государства вынуждены поддерживать баланс интересов внутри собственной территориальной целостности и решать множество повседневных задач, связанных с обеспечением жизни и воспроизводства различных сообществ.

Игнорирование локальности бедного оборачивается социальными конфликтами, вспышками немотивированного насилия, ростом криминала и прочих девиаций. Глобализация к тому же изрядно перемешала первый и третий мир, развивая свою цивилизацию вдоль потоков и располагая ее в узлах. Банкротами становятся такие еще недавно процветавшие города, как Детройт. Бедность, социальное неравенство, безработица локализованы в моноэтнических кварталах вполне благополучных столиц глобального мира. Социальное в результате возвращается в почти стерильный мир в форме межэтнических столкновений, забастовок, протестов и т.п. В странах третьего мира главной проблемой остается продолжающееся истощение ресурсов, деградация сообществ, хотя, как уже говорилось, четкой географической границы между этими проблемами больше не существует.

Заключение

Итог двадцатилетних исследований местных сообществ впечатляет ради-

кальностью перемен. От понимания локальности как основы общества, в т.ч. и глобального, рефлексия переходит к ее полному отрицанию: к констатации исчезновения местного сообщества, превращения территории в транзитный пункт движения не связанных друг с другом индивидов. Вместе с исчезновением категорий местного сообщества и государства исчезают и понятия социального, социума и социального субъекта.

Однако практически во всех сменах дискурса отчетливо прослеживаются две основные позиции, осознанные и сформулированные в начале нового столетия: взгляд с «места» и взгляд с «высоты потоков». Позиция наблюдателя в данном случае существенна, она позволяет замечать, фиксировать и интерпретировать разные процессы.

Рассмотренные выше трансформации дискурса, с нашей точки зрения, обусловлены, прежде всего, неолиберальным и технократическим характером глобализации. Локальность как уникальный социокультурный феномен представлена лишь у тех, кто исследует именно сообщество и его реакции на происходящие изменения. Возрождение локальности в государственной политике и в социологии в последние годы показывает невозможность, по крайней мере на современном этапе, полностью обезличить и физически устранить сообщества.

Статья выполнена в рамках проекта «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества», грант РФФИ № 13-06-00314А.

Литература

- Гидденс А. 2004. *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь* (пер. с англ.). — М.: Весь Мир, 120 с.
- Халий И.А. 2011. Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов. — *Социоестественная история. Вып. 34. Природа и общество: общее и особенное*. М.: ИАЦ «Энергия». С. 70–83.
- Beck U. 2006. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press, 201 p.
- Bookchin M. 1989. *Remaking Society*. Montreal: Black Rose Books, 222 p.
- Castells M. 1983. *The City and Grassroots. A Cross-cultural Theory of Urban Social Movement*. L.: Edward Arnold, 450 p.
- Castells M. 1996. *The Rise of the Network Society*. L.: Sage Publication Press, 480 p.
- Gille Z. 2006. Detached Flows or Grounded Place-Making Projects? — *Governing Environmental Flows: Global Challenge to Social Theory* (G. Spaargen, A.P.J. Mol, H. Buttel, eds.). Massachusetts Institute of Technology. P. 137–156.

Gille Z., O'Rian S. 2001. Global Ethnography. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. August. P. 271-295.

Hannerz U. 1990. Cosmopolitans and Locals in World Culture. — *Global Culture, Nationalism, Globalization and Modernity* (ed. by M. Featherstone). London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage. P. 237-251.

Jenkins C. 1983. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 9. P. 527-533.

McCarthy J.D., Wolfson M. 1996. Resource Mobilization by Local Social Movement Organizations: The Role of Agency, Strategy and Structure. — *American Sociological Review*. Vol. 6. P. 1070-1088.

Realizing Community: Concepts, Social Relationships and Sentiments (ed. by V. Amit). 2002. L.: Routledge, 192 p.

Robertson R. 1995. Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity. — Fatherstone M., Lash S., Robertson R. *Global Modernities*. L.: Sage, P. 25-44.

Sassen S. 2001. *The Global City: New York, London, Tokyo*. — Princeton: University Press, 472 p.

Tsing A. 2000. The Global Situation. — *Cultural Anthropology*. Vol. 15. Is. 3. P. 326-360.

Urry J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 172 p.

УДК 316.733

ШАОВ Асфар Аскерович —

д. филос. н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

asfarshaov@mail.ru

НЕХАЙ Вячеслав Нурбиевич —

к. соц. н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

slava0482@mail.ru

СОЦИОИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

SOCIAL INTEGRATION POTENTIAL OF ADYGEAN TRADITIONAL CULTURE IN THE GLOBALIZING WORLD

В статье рассматриваются особенности трансформации социоинтегративного потенциала адыгов, основу которого составляет нормативно-регулятивная система «адыгагэ» — адыгство. Авторы указывают, что в условиях размывания социокультурного пространства малочисленного адыгского этноса и усиления глобализационных процессов феномен адыгства претерпевает значительные изменения. Как показывают результаты социологических исследований, проведенных сектором философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени А.Т. Керашева и авторским коллективом, роль адыгства в репродуцировании традиционных этнокультурных ценностей адыгов снизилась, что, в свою очередь, повышает склонность адыгской культуры к рецепции инокультурных ценностей и одновременно ослабляет ее этнокультурный иммунитет.

Ключевые слова: социоинтегративный потенциал, адыги, традиционная культура, адыгство, глобализация

This article discusses features of Adygean social and integrative potential's transformation, which is based on the normative regulatory system of Adyges, so called «adygage». The authors point out that in the context of blurring of Adygean social and cultural space and strengthening of globalization, a phenomenon of «adygage» suffers